

Шум моторов разорвал напряженную августовскую тишину. И по селу прокатилось: «Немцы! Немцы! Немцы!» Разлетелось по дворам, от дома к дому, и стихло, будто утонув, где-то в Весуне. О войне знали. Знали, что она близко, кто-то подался на восток, за Днепр, в основном это были евреи из Нагартавы, небольшого еврейского хутора, который со временем разросся в поселок и примыкал к селу, отделенный речкой. К местным, которые жили и работали здесь, прибавились евреи, бежавшие от войны из-под Винницы и Белоруссии. Навьючив свой скарб на поводья, отправились, как цыганский табор, вмиг потеряв оседлость, нажитое и построенное. Добравшись до Днепра, переправиться не смогли, переправы уже бомбили, а те, что остались, были заняты военными грузами, и беженцев отгоняли часовые. Большинство вернулись назад в Нагартав.

Те, кто остался в селе, отдали мужчин в РККА, надеясь, что они их и защитят и не допустят, чтобы вражий сапог топтал их щедрые сады, серебряную от ковыля степь, пил их весуньскую воду.

Когда авангард колонны въехал в село, жители выходили к дороге посмотреть, какие они, эти немцы, как они выглядят. Колька, выскочив из хаты, помчался на звук моторов, оставляя в теплой и пышной, как мука, пыли свои босые отпечатки. Он вначале бежал навстречу машинам, затем остановился и, замерев от испуга, понесся обратно, через огороды и задние дворы, обгавкиваемый тощими сельскими собаками. Он остановился, спрятавшись за сараем, и из-за угла стал разглядывать движущуюся неведомую силу.

В машинах ехали солдаты вермахта, усталые и запыленные, без интереса смотревшие на унылый, выжженный августом сельский пейзаж. Машины проползли в край села к МТС, остановились. Гул моторов стих и сменился возгласами и перекрикиванием солдат. Жители, не заметив ничего необычного, разбрелись, возвращались к своим занятиям.

Колька вышел из укрытия и медленно побрел к дороге, обжигая бо-
сые ноги, подпрыгивая и стараясь ступать на траву.

– Колька, ты чего тут ходишь? – из-за каменного забора выглядывала
голова Зойки.

– Ты немцев видала?!

– Тю... видала. У нас офицер будет жить! – Зойка сделала важное
лицо.

– Бреешь! – Кольку поразило, с какой значительностью она произ-
несла это.

– Сам ты бреешь!

– Что? А вот это видала?! – Колька достал из обрезанных широких
отцовских портков перочинный нож, раскрыл его и в кулаке покрутил
перед Зойкой. – Страшно?

– Только жаб колоть! Ха-ха-ха!

– Ну, я тебе...

Колька попытался залезть на забор, но тут же передумал, потому что
в ту же секунду раздался оглушительный Зойкин визг, который стреми-
тельно удалялся и затих за хлопнувшей дверью.

– То-то же... – Колька покрутил ножом и пошел дальше.

К сентябрю «новый порядок» понемногу обжился, и местные почти
не замечали каких-либо радикальных изменений в своей жизни. Они
продолжали заниматься своей повседневной крестьянской жизнью, не-
взирая на изредка проходящих вялым строем немцев или проезжающие
через село румынские обозы, с запряженными в телеги тяжеловозами с
мохнатыми ногами.

Заработала и школа. Колька злился, думал, учиться не будут и всех
детей отправят в какой-нибудь лагерь, пока война не закончится. Он
возвращался из школы, засовывая нос во все примечательные места.
Сначала он застрял, наблюдая за бредущимся немецким фельдфебелем,
затем играл со щенком, швырял булыжники на проселок, покрытый
легкой светлой пылью, от чего образовывались небольшие фонтанчики,
которые Колька сопровождал звуками разрывов и летящих снарядов.

Странный шум нарастал со стороны Нагартавы. Нестройное гулкое
топанье, как будто гнали стадо коров. Но Колька точно знал, что там
не может быть никакого стада. Он помчался к дороге и вдаль заметил
колону людей, которую вели несколько солдат и офицер.

Конец колонны замыкали несколько «своих».

Быстро сориентировавшись в обстановке, Грыцько Свищ, завмаг с
Нагартавы, сколотил дружину, которая безошибочно отыскивала ев-
реев и тех, кто жил в Нагартаве, и тех, кто перебрался в село или в
Снегиревку. Вскоре всех евреев сначала собрали в «народном доме»,
а затем повели на край села, где, как им сказали, будут распределять и
вывозить в Николаев на работу.

Колона приближалась. Люди несли с собой какие-то вещи, узлы, че-
моданы. Кто-то нес перевязанные стопки книг, глобус. Молча, не пере-
говариваясь, колона топала по брусчатке, издавая зловещий шум свои-
ми башмаками, сапогами и туфельками.

– Софа! Софа! Куда это вас?! – соседка спрашивала модистку Софу,
у которой шило все село.

– Говорят, повезут на станцию, а потом в Николаев!

– Ну, дай бог... – соседка кивнула, утерев слезу и перекрестилась.

Невдалеке показалась Зойка. Увидев Кольку, спряталась за мать. Тот
погрозил ей кулаком, а в ответ увидел высунутый язык. Зойка заметила

подружку в колонне. Она шла, держа мать за руку, опустив голову, с небольшим узелком в другой руке.

– Галя! Галя! Ты выйдешь сегодня гулять? – Зойка приветливо махала рукой.

Галя подняла голову, взглянула на неё и опустила опять. Посмотрела и её мать. И многие проходившие в той колонне, взглянули на Зойку недоуменными взглядами, как спросившую глупость.

– Ну и ладно, – обиделась она и пошла прочь.

Колька побежал параллельно дороге в сторону МТС. Было интересно, зачем собрали всех евреев и зачем их будут куда-то везти. Он побежал к последней хате, за которой начинался пустырь, а за ним был двор МТС. Сквозь штакетник увидел, как солдаты поставили два стола; они что-то выкрикивали, расталкивая колонну, разделив ее на две группы. Каждая группа выстроилась в очередь к своему столу. Было плохо видно, и он решил поменять свой пункт наблюдения. Перелезши через изгородь, побежал к кустам, которые росли на углу забора станции.

– Ты куда, сучонок?! – на него несся здоровенный мужик с белой повязкой на рукаве. Колька, вначале замер, а потом пустился со всех ног, сверкая голыми пятками, подальше оттуда. Запыхавшись и убежав довольно далеко, он остановился, оглянулся и залез в густой кустарник смородины. Погони не было. Колька перевел дух, очень страшным ему показался дядька. Невдалеке послышался разговор. Колька затаился, прислушался. Голоса были детские и знакомые. Он высунул голову из кустов и увидел, как в сторону МТС идут двое пацанов, Степка и Васька.

– Эй, – сдавленным голосом окликнул Колька, – пацаны!

Те остановились, вращая головами, не понимая, откуда их зовут.

– Я здесь! – Колька вытянул руку.

– Ты шо в бабы Кати у двори робышь? Вона ж вбье!

Колька встал во весь рост, взглянул в сторону МТС и выбрался из кустов.

– Вы куда? – полупшепотом спросил Колька

– До дому, – Степка соображал, к чему весь этот таинственный тон, – а шо ты шепочешь?

– Вы до МТС не ходить...

– Чому? – вставил Васька.

– Тому... немцы там.

Мальчишки переглянулись.

– Я сам тикал. Там дядька, страшный, усатый, за мной как погнался! А я как драпану! Вот... – Колька сделал такое свирепое лицо, что двое его друзей отшатнулись назад.

– А шо вони там забулы, на МТС? Там же ничего нема.

– Они туда евреев с Нагартавы привели...

– Зачем? – Васька смотрел непонимающим взглядом.

Колька пожал плечами.

– А вы откуда? С рыбалки?

– Ага... трошки верховодки наловили, – Степан протянул котелок, продемонстрировать улов.

Колька заглянул в него и покачал головой.

– Не богато...

Они еще немного постояли, раздумывая, как пройти, и решили не искушать судьбу, обойти МТС другим путем.

Солнце уже свалилось со своего дневного пьедестала, разогрев землю, деревья, степь, крыши домов. С чувством выполненного долга

взирало на свою работу, застыв над посадкой, за которой начиналась Нагартава, чтобы нырнуть за неё и упокоиться до завтра. Воздух наполнился запахами и звуками ранней осени.

Мальчишки шли, переговаривались, делясь своими представлениями о войне и её будущем, когда услышали звук машин, а затем сухие автоматные очереди, внезапно, волной, накатившие и через несколько секунд так же, внезапно, стихнувшие. Как эхо, продолжались одиночные пистолетные, то ли ружейные выстрелы. Стихли и они. Мальчишки замерли, даже несколько ссутулились, жвав головы в плечи.

– Айда, подывымось, – Степан, как самый старший, принял решение.

– А как поймают? – У Кольки все еще стоял перед глазами здоровый дядька с повязкой.

Они увидели, как проехала колонна машин от МТС.

– Айда! – уверенно сказал Степка.

Он сложил свои удочки и котелок под кусты, отошел немного, посмотреть, не видно ли спрятанное и, махнув рукой, увлек ребят за собой.

Озираясь и вздрагивая при каждом постороннем и неожиданном звуке, мальчишки добрались до забора МТС. Они смотрели сквозь штакетник на пустой двор, где на месте людей валялись какие-то пожитки, тряпки, раскрытые и разломанные чемоданы. Вечерний ветерок лениво гонял по двору какие-то бумажки.

– А де ж жиды? – Степан сделал недовольную физиономию.

– Откуда я знаю...

Раздалось два выстрела. Мальчишки пригнулись и спрятались в кустах.

– Це з балки, – уверенно сказал Васька, – точно, з балки.

– Айда, – Степан вылез из укрытия и направился в сторону оврага.

– Ты куда? – Колька спрятался глубже в кусты.

– Пишлы до дальнего колодезя, а там побачим.

Предложение показалось дельным, и Васька с Колькой вылезли из кустов. Они обошли овраг с другой стороны и на четвереньках подползли к краю, прячась в высокой траве. Слышны были отдельные возгласы. Около десятка мужчин с белыми повязками что-то забрасывали лопатами. Работали торопливо, изредка останавливались и утирали пот. Среди них был Грыцько Свищ и Коваленко, бывший бригадир, остальные были незнакомы.

Начало смеркаться. Свищ остановился, воткнул лопату, походил, позаглядывал.

– Хорош, мужики! Трошки притрусили, и ладно. Хай и за це спасыби скажуть!

Все дружно засмеялись, бросили работать и стали подниматься наверх, помогая себе лопатами. Через минуту они скрылись за холмом, а мальчишки встав из укрытия, спустились в овраг. Степан остановился перед незасыпанной большой ямой и деловито осматрелся.

– Шо воны копалы? Дывысь, патроны... багато, – Степан поднял несколько, позвенел ими и бросил в яму.

Колька спрыгнул вслед за ними. Как только он коснулся земли, почувствовал под ногами что-то мягкое, неустойчивое, словно болотная зыбь. Он чуть не упал, рукой оперся о землю и тут же отдернул её, испугавшись, будто уперся во что-то знакомое. Он оглянулся, из земли выглядывала человеческая кисть. Колька отшатнулся. Ему почудилось, что под ним зашевелилась земля. Он в панике выскочил из ямы и устоялся на Степана, что-то шевеля губами.

– Шо? – Степан внимательно вглядывался в глаза Кольки, пытаясь разгадать причину его тревоги.

– Там кто-то есть, – чуть слышно прошептал Колька. Под волосами забегали мурашки.

Глаза Васьки округлились, и он медленно попятился назад.

– Та ну тебе, Микола... – Степка, овладев собой, отодвинул Кольку в сторону.

– Кажу, кто-то е...

Они уставились на засыпанную яму, вглядываясь в каждый подозрительный бугорок. Колька нашел взглядом место, куда уперся рукой.

– Вон, вон, дывысь!

Там, куда показывал Колька, земля шевельнулась и кисть стала заметнее. Пальцы сжались и застыли. Внутри него похолодело. Степан тоже отпрянул от края, переглянулся с друзьями, и они не сговариваясь сорвались с места и, спотыкаясь, падая, поползли наверх оврага, цепляясь за траву, подгоняемые неведомым холодным ужасом.

Они отбежали от оврага довольно далеко. Остановились отдышаться. Колька вытирал руку об траву с каким-то неистовством, будто испачкал, а на самом деле пытался стереть то чувство, которое осталось от прикосновения к чьей-то руке в яме. Он все еще ощущал это тепло.

– Це жидив пострелялы, – сделал вывод Степан, – я чув, шо нимци их усих повбывають.

– А за шо? – спросил Васька.

– Кажуть, в них золота багато...

– Шо, и у Гальки Кальмус? – Колька спросил недоверчиво. – Еи мать батрачила. Даже до нас заходила, просила, нема ли работы... какое ж золото?

Степан только пожал плечами и ничего не ответил. Было уже темно, и мальчишки разбрелись по домам.